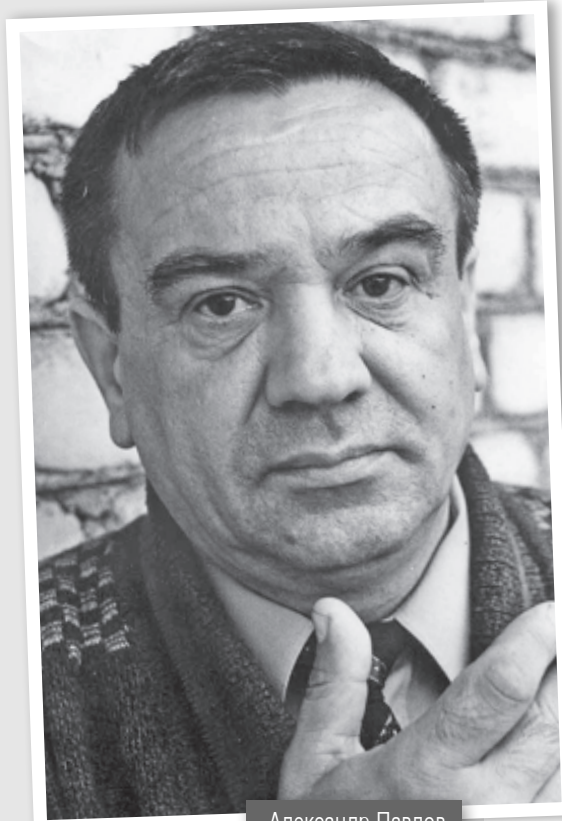

Имя в литературе

Поэзия

Александр Павлов

Певец Ковыля и металла

Александр Павлов остаётся для земляков одним из любимых поэтов

Память о поэте Александре Павлове (11 января 1950 – 22 октября 2011) особенно дорога нашей редакции, поскольку журналистская судьба Борисовича тесно связана с «Магнитогорским металлом». Если увидите подпись «А. Борисов» под архивными материалами «ММ», знайте: их автор – Александр Борисович. Масштаб его личности невозможно переоценить: член Союза писателей России, классик магнитогорской поэзии, переводчик, видный культурный деятель, он также был наставником литературно одарённой молодёжи, возглавлял литературное объединение «Магнит», которым ныне руководит поэт Виктор Калугин.

Александр Павлов – автор пяти поэтических книг: 1976 – «Предгорья» (1976, 12+), «Пологий свет (стихи и переводы)» (1982, 12+), «Сверим время» (1983, 12+), «Город и поэт» (1996, 12+), «С ярмарки еду» (2008, 12+).

В числе его наград – медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», почётный диплом журнала «Журналист» за очерки о Венгрии, медаль «Серебряный крест» за активное участие в возрождении оренбургского казачества, медаль имени Антона Чехова, учреждённая союзом писателей Москвы.

Кроме того, А. Б. Павлов – лауреат областной комсомольской премии «Орлёнок» за книгу стихов «Предгорье» (1976) и премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка – «за стихи, воспевающие легендарную Магнитку, внёсшие значительный вклад в развитие уральской поэтической школы» (2006).

В декабре 2011-го Александр Павлов посмертно присуждена победа в номинации «Персона в журналистике» VI городского конкурса СМИ под эгидой МГСД «Город и мы». В ноябре 2015-го на доме № 31 по улице Труда, где поэт жил с 1987 по 2001 год, была установлена мемориальная доска.

Со дня смерти Александра Борисовича прошло десять лет. Можно с уверенностью утверждать, что его поэзии не грозит забвение, – напротив, она обретает широкий резонанс в Магнитогорске и за его пределами. В XXI веке читатели заново открывают для себя и переосмысливают стихи о людях дела и созидательном труде, которыми обогатил летопись Магнитки Александр Павлов.

Елена Пещинская

«Не эти ли тугие крылья судьба явила для меня...»

В Магнитке

На стыке Азии с Европой
плыву тихонько на спине,
окутан тёплой поволокой...
И до того спокойно мне.
Урал, обветренный и шалый,
новоисполненный Яик,
Урал – сосновый полушалок,
кремнёвый блеск, державный лик.
Удобно или неудобно,
но здесь нестойка тишина.
Прислушайся: вздыхает домна,
и плещет на берег волна.
Ловлю спиной глубинный холод,
в зените тучка так светла...
А справа – город, слева – город,
и оба-два мои крыла.
Не эти ли тугие крылья
судьба явила для меня,
сплетя железно и ковыльно
и кровью их соединя?
В любом далёком перелёте,
сквозь годы, грозы и ветра,
меня вы, крылья, пронесёте,
как это делали вчера.
А нынче я по праву дома,
качаюсь тихо на волне,
и всё по-новому знакомо,
и оттого спокойно мне!

602-й

Резчику лома Р. Зайнапову

В копровом цехе вечный кавардак,
железо всех времён, мастей, обличий...
То паровоз подкатится сюда
с утренней паровой перекличкой.
То подвезут бескрылый самолёт
в обломках отзвеневшего дюрала,
то на вагоне катер приплывёт...
Всех под резак –
и словно не бывали!
Порой Степану чудилось, что он
палач вот этих горемык железных,
не попусту коптивших небосклон –
проживших век дужжишно и полезно.
Он опускал на землю бензорез,

Эссе

«Город и поэт – это в Магнитке неразрывно...»

Александр Борисович с любовью писал о малой родине и собратях по перу

Никто не расскажет о творческом становлении Александра Павлова и Магнитогорске поэтически лучше, чем он сам в эссе «Город мой» – предисловии к книге «Город и поэт» (12+), изданной в 1996 году, на закате прошлого века:

«Мне, наверное, крупно повезло. Родился в самой середине бурного, противоречивого, жестокого и кровавого двадцатого века – в январе пятидесятого. Да не где-нибудь, а на Урале, в легендарной, известной всему миру Магнитке. Отсюда ушёл на фронт добровольцем с танковым корпусом отец, сюда же вернулся он инвалидом и победителем...»

Я часто, может быть, даже слишком часто говорю добрые и тёплые слова о родном Магнитогорске. Порой слышу пренебрежительное: каждый кулик свое болото хвалит. Ну и что? С какой стати мне хулить мою малую родину? Да, здесь сегодня нелегко. Всегда здесь было горячо и тяжело. Но тем прекраснее и благороднее её люди, много лет не снимающие с себя неблагодарную ношу. Магнитка видится мне не только средоточием самоотверженного труда, но, прежде всего, средоточием человеческих страстей, неординарных характеров, незаурядных судеб. А для человека, пишущего обо всём этом, это необъятное поле деятельности. Неиссякаемый родник тем. Бери, разрабатывай. Дай бог только вдохновения, искренности и желания выразить себя.

Я часто задумываюсь, почему этот желез-

влезал вверх, откуда тишь стекала...
И громыхал хозяйский интерес
по мостикам ботинками Степана.
В его обходе, ревностном и злом,
рассерженно сминалось безразличье:
– Труда-то сколько! –
И опять на слом...
Но всё же вскоре вспыхивала спичка,
а бензорез врезался в кругляки,
обшивку и натруженные скаты,
и паровоз, напыщенный когда-то,
валился от Степановой руки.
Да мало ли таких со всей страны
летят к нему, попыхая рьяно!
Им раньше явно не было цены,
а нынче есть – и та не по карману.
Дешевле вжать в тысячетонный пресс
уютные, обжитые кабины,
и рычагов тридцатилетний блеск...
Ломай, Степан, работай –
всё едино!
Так думал он размашисто, спроста,
покуда к серым колоннадам цеха
из памяти тревожной не приехал
особенный, приземистый состав.
Степан присел у танка, закурил.
Пробоины, заклиненная башня...
И, словно лбом ударясь в день вчерашний,
на башенке он цифры отличил:
602-й...
И дернулась рука,
и налегла на воздух, как на тормоз,
602-й – в разорванных боках
привёз войною срезанную скорость.
602-й...
И задохнулся он.
Да! Там они, заклинены навечно...
Он за бронёю слышал каждый стон
и жаркое дыханье человеке.
Он реал броню упругим резакон,
как будто вдруг из танковой утробы
они шагнут светло и шлемолобо
сквозь времени погубительный закон.

Гудело пламя, взламывая танк,
томилось небо без дождя и вздоха...
В копровом цехе вечный кавардак,
в пролётах тесных
стиснута эпоха!

Книга «Город и поэт»

ный город Магнитка с первых дней своих стал городом поэтов и писателей, художников и музыкантов, артистов и спортсменом. Что это? Откуда? Влияние Аркаима? Или зов прекрасной природы? Или, может, всё это отдушина среди трудов тяжких и часто неблагодарных? Для меня это по сей день загадка.

Мне действительно крупно повезло. До третьего класса я был абсолютно равнодушен к поэзии. На пыльной и дымной окраине, под горячим боком металлургического комбината, дитя бараков и вольных предгорий, я не утруждал себя учёбой и чтением книг. Пекли в горах картошку, собирали с друзьями дикий лук и чеснок, ломали грибы, ловили в искусственных отвальных озёрах карасей, шастали по окрестным садам и огородам за ранетками и огурцами. Всё было! Послевоенные скрапные площадки, забытые всевозможным оружием, привезённым со всех полей сражений на переплавку. Штыки-ножи, шашки и палашки, пулемётные ленты и разряженные гранаты, полевые телефоны... У каждого был свой тайный арсенал.

И вот в день десятилетия мама подарила мне двухтомник Лермонтова. Перед сном я начал листать. Том с прозой сразу отложил. И вот тут-то мир поэзии увлёк меня. Низкий поклон тебе, мама, за этот небесный дар!

С этого года я и стал пописывать стихи. Для себя. Позднее сочинял песни под гитару и резово «бацал» их, бродя с друзьями по окраинным улочкам. И только после окончания индустриального техникума, став вальцовщиком чистовой группы первого

От редакции. Одну из новых улиц родного города Александра Павлова, который он любил и воспевал в своих стихах, назовут его именем.

Дом

Мы забыть хотели,
да забыть не смогли
старый дом у котельни
в антрацитной пыли.

Засыпной и каркасный,
крытый толем дворец,
под восходами красный,
голубой в светунице.

В незабытой сторонке
столько лет он стоит!
Только водоколонка
всё гремит и гремит.

Только вёснами слышу:
он ломает метель,
конопаченой крышей
окунаясь в апрель.

Бросив памяти вызов,
всё плывет по весне
с голубями в карнизах
и геранью в окне.

Башик

Сколько ливней ты переслышала,
сколько вод промышленных слесла,
сколько раз дотла пересыхала,
речка, не выдавшая весла?

Пыль, да сушь, да лунная дорожка.
Длинно, от снегов и до снегов,
тянет жилы сытая картошка
из твоих аграрных берегов.

Ты большому времени внимала,
потому как речка – не ручей.
На твоей поверхности немало
солнечных поломано лучей.

Я не раз, от зноя охмелевший,
видя удалую быстрину,
пацаном чумазым, словно леший,
подсекал кургузую волну.

Что ж ты, речка, тихая старушка,
кружишь по осоке налегке?
Плачет, убивается лягушка
на твоём последнем острове.